

RU

Кризис человечности в условиях многообразия культурных интерпретаций

Ровнов Н. С.

Аннотация. Статья посвящена анализу кризиса человечности, возникающего при множественных и зачастую несовместимых культурных интерпретациях этого понятия. Цель исследования заключается в выявлении механизмов формирования кризиса человечности в условиях конкуренции культурных интерпретаций человека. Автор обосновывает необходимость выхода за пределы абстрактных рассуждений о духовности и обращения к категории «интерес» как фундаментальному механизму социальной стратификации и культурных конфликтов. Рассматриваются различные подходы к пониманию «человечности» и «расчеловечивания», представленные в философской традиции и современных исследованиях. Анализируются культурно-исторические системы стратификации – кастовая, классовая, кланово-этническая – как способы конструирования иерархий человеческого. Особое внимание уделяется столкновению «саксонской» и христианской моделей человечности, а также роли группового интереса в процессах дегуманизации. Научная новизна исследования состоит в концептуализации кризиса человечности как кризиса признания человеческого достоинства в условиях конкуренции культурных интерпретаций человека; показано, что интерес выступает механизмом иерархизации человеческого и дегуманизации, когда частный или групповой интерес возводится в универсальный критерий человеческой ценности. Обосновано разграничение универсальности человеческого достоинства и унификации культурных представлений о человеке на основании чего предложен принцип «универсализма без унификации» как условие сохранения человеческого достоинства в ситуации культурного многообразия.

EN

The crisis of humanity in the context of a variety of cultural interpretations

N. S. Rovnov

Abstract. The article is devoted to the analysis of the crisis of humanity, which arises in the context of multiple and often incompatible cultural interpretations of this concept. The purpose of the study is to identify the mechanisms underlying the formation of the crisis of humanity in conditions of competition among cultural interpretations of human nature. The author justifies the need to go beyond abstract discussions of spirituality and to turn to the category of “interest” as a fundamental mechanism of social stratification and cultural conflicts. Various approaches to understanding humanity and dehumanization, presented in the philosophical tradition and modern research, are examined. The study analyzes cultural and historical stratification systems – caste, class, and clan-ethnic – as ways of constructing hierarchies of humanity. Special attention is paid to the clash between the “Saxon” and Christian models of humanity, as well as to the role of group interest in the processes of dehumanization. The scientific novelty of the research lies in conceptualizing the crisis of humanity as a crisis of recognition of human dignity in the context of competition between cultural interpretations of human beings. It is shown that interest acts as a mechanism for the hierarchical structuring of humanity and dehumanization, when private or group interest is elevated to the status of a universal criterion of human value. The distinction between the universality of human dignity and the unification of cultural ideas about a person has been substantiated, on the basis of which the principle of “universalism without unification” has been proposed as a condition for preserving human dignity in the context of cultural diversity.

Введение

Актуальность исследования обусловлена кризисом универсальных оснований человечности в условиях многообразия культурных интерпретаций человека. Столкновение различных культурных, социальных и ценностных

моделей способствует формированию иерархий человеческого и создаёт предпосылки для дегуманизации. В связи с этим актуальным становится выявление механизмов, посредством которых частный или групповой интерес превращается в критерий человеческой ценности, а также поиск оснований сохранения человеческого достоинства при сохранении культурного многообразия.

Задачи исследования:

- проанализировать основные культурно-философские интерпретации человечности и выявить критерии формирования иерархий человеческого в различных культурно-исторических моделях;
- раскрыть роль частного и группового интереса в универсализации определенных культурных, социальных и ценностный представлений о человеке и определить его значение в механизмах дегуманизации;
- обосновать необходимость этического ограничения собственного интереса как условия сохранения человеческого достоинства в ситуации культурного многообразия и конфликта различных интерпретаций человечности.

Методологическую основу исследования составили философско-антропологический, историко-культурный, этический и сравнительный подходы. Философско-антропологический подход использован для анализа понятий человечности, человеческого достоинства и дегуманизации; историко-культурный подход позволяет рассмотреть формирование иерархий человеческого в различных культурно-исторических моделях; этический подход применяется для обоснования значения ограничения собственного интереса как условия признания человеческого достоинства; сравнительный подход используется для выявления сходств и различий в культурных интерпретациях человека и основаниях их противопоставления. В качестве основных методов исследования применены историко-типологический и сравнительный методы, позволяющие сопоставить культурно-исторические модели человечности и выявить механизмы перехода от культурного и социального различия к иерархизации человеческого и дегуманизации.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвящённые проблемам человечности, дегуманизации, культурного воспроизводства ценностей и трансформации гуманистической модели человека, в частности исследования М. М. Бахтина (2000), С. И. Магдеева (2017), В. А. Кутырева (2017), А. П. Воеводина (2017, 2021, 2023), Н. Н. Зарубиной (2021) и В. И. Кудашова (2021). Дополнительную теоретическую основу составили положения философско-культурологического анализа социальных и культурных механизмов стратификации и трансформации человеческих ценностей, представленные в работах Т. Г. Грушевицкой (2022), Т. В. Семиной и С. М. Шишковой (2022), Л. В. Филиндаш (2023), И. В. Цветковой и О. С. Евченко (2022).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его основных положений и выводов при дальнейшем изучении кризиса человечности, процессов дегуманизации и трансформации антропологических моделей в современной культуре. Выявленный механизм перехода от культурного и социального различия к иерархизации человеческого и дегуманизации, а также обоснование необходимости этического ограничения собственного интереса и признания человеческого достоинства, могут быть применены при разработке образовательных и культурных практик, направленных на развитие этической рефлексии, межкультурного диалога и сохранение человеческого достоинства в условиях технологической и ценностной трансформации общества.

Обсуждение и результаты

Современная эпоха характеризуется не просто столкновением цивилизаций или идеологий, но более глубоким и тревожным феноменом – кризисом самой идеи человечности, которая оказывается размытой в пространстве множественных и зачастую несовместимых культурных интерпретаций. Постановка вопроса о человечности сегодня неизбежно выводит за пределы абстрактных рассуждений о духовности, требуя обращения к более приземлённому, но фундаментальному понятию «интерес» – как основе социальной стратификации и культурных конфликтов. Интерес, понимаемый не только как экономическая или политическая выгода, но как глубинная заинтересованность группы в сохранении своей идентичности и привилегий, оказывается тем скрытым механизмом, который формирует различные образы человеческого и бесчеловечного. Именно через призму интереса можно понять, почему одни культурные модели объявляются эталонными, а другие маргинализируются или вовсе исключаются из сферы «подлинно человеческого».

Традиционный гуманистический проект, восходящий к античности и получивший мощнейшее развитие в эпоху Возрождения и Просвещения, предполагал универсальную модель человека, наделённого разумом, свободой и достоинством. «Предпосылки гуманистического антропоцентризма Западной цивилизации – сократическое противопоставление познающего субъекта познаваемому космосу как объекту, возрожденческий гуманизм, рационализм, кантианское этическое возвышение человека как абсолютной цели, просвещенческие ценности толерантности и достоинства личности на рубеже тысячелетий – стали, казалось, универсальным основанием развития человечества» (Зарубина, 2021, с. 61). Однако, как отмечает Н. Н. Зарубина, «по мере увеличения скорости технологического прогресса стали усиливаться и возникшие сомнения по поводу его последствий для человека. Всё больше стало распространяться убеждение, что прогресс техники подчиняет человека машине и заставляет в той или иной мере уподобляться ей, теряя собственно человеческие свойства» (Зарубина, 2021, с. 62).

Кризис человечности сегодня проявляется не только в технологическом отчуждении, но и в фундаментальном пересмотре того, что вообще считать «человеческим». Философия постмодернизма, как отмечается в критическом анализе, «выдвинувшая идеи “смерти субъекта”, “деконструкции личности”, “социальных структур”, “духовных ценностей” выступает как теоретическое обоснование реальной глобальной дегуманизации западного общества. Смерть субъекта – не просто абстрактная философская идея, это отрицание фундаментальных ценностей классического гуманизма, отрицание не только высшей ценности личности, но и вообще способности личности существовать и сохраниться как таковой в современном мире» (Сербул, 2011, с. 52).

Существенное значение для понимания проблемы человечности имеет также концепция М. М. Бахтина (2000, с. 22-24), основанная на различении ценностных позиций «я» и «другого». В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин показывает, что человек существует в принципиально различающихся перспективах самопереживания и восприятия «другого». При этом «другой» не может быть полностью сведен к системе представлений субъекта о самом себе. Бахтин подчёркивает, что понимание «другого» предполагает способность увидеть его мир изнутри, однако после такого «вчувствования» необходимо возвращение к собственной позиции, сохраняющей различие между субъектом и «другим». Тем самым отношение к «другому» предполагает не устранение различия, а его признание как необходимого условия ценностного отношения.

Данное различие имеет значение и для формирования представлений о человеке как ценности. Бахтин (2000, с. 48) обращает внимание на возможность построения идеи человека преимущественно из категории «я», когда собственное самопереживание становится основанием для определения «другого». В таком случае своеобразие другого человека может оцениваться «под влиянием и в угоду самопереживанию». Применительно к проблеме культурных интерпретаций это позволяет рассматривать иерархизацию человеческого как результат ситуации, в которой определённая система ценностей перестаёт восприниматься как частная культурная позиция и начинает использоваться в качестве универсального критерия оценки других форм человеческого существования.

Бахтин (2000, с. 53) также обращает внимание на тенденцию обобщенной идеи человека преодолевать различие «я» и «другого» посредством сведения их к единой ценностной норме. По его замечанию, конкретное ценностное переживание человека связано с различием позиций «я» и «других», тогда как отвлечённая мысль способна подводить человека под общую норму. В контексте настоящего исследования это положение позволяет поставить вопрос о границах универсализации представлений о человечности. Универсальная норма может выполнять интегративную функцию, однако ее превращение в единственный допустимый критерий человеческой ценности создаёт предпосылки для исключения тех, кто не соответствует заданной модели.

Для понимания кризиса человечности стоит обратить внимание на антропологический подход Х. Ортеги-и-Гассета (1930), связывающий человеческое существование с историчностью и необходимостью постоянного выбора собственного способа бытия. Как показывает С. И. Магдеев (2017), в концепции Ортеги человек не является завершённой данностью, а формируется во взаимодействии с обстоятельствами и собственным представлением о том, кем он стремится быть. В этом контексте кризис цивилизации может быть рассмотрен не только как изменение социальных и культурных институтов, но и как кризис самого способа самоопределения человека. Данная перспектива дополняет рассмотренное выше понимание кризиса человечности как проблемы отношения к «другому» и позволяет связать её с исторически изменяющимися культурными моделями человека.

Проблема кризиса человечности в условиях современной техногенной цивилизации получает развитие в концепции В. А. Кутырева. Рассматривая становление постчеловеческого мира, исследователь обращает внимание на тенденцию к замещению непосредственной человеческой реальности информационными, виртуальными и технологически конструируемыми формами бытия. В результате человек оказывается под угрозой редукции к совокупности функций, отношений и информационных характеристик, тогда как сохранение человеческого измерения предполагает обращение к жизненному миру человека как к самостоятельной и не сводимой к информационным моделям реальности (Кутырев, 2017). В контексте настоящего исследования данный подход позволяет рассматривать кризис человечности не только как изменение ценностных представлений о человеке, но и как трансформацию самих оснований, посредством которых определяется содержание человеческого бытия.

Однако изменение самих условий человеческого бытия не исчерпывает проблемы кризиса человечности. Не менее существенным является вопрос о том, каким образом культура воспроизводит представления о человеке, закрепляет определённые ценности и устанавливает границы признания «другого». В этом отношении значим подход А. П. Воеводина (2023), связывающий воспроизводство человечности с культурными механизмами и разрешением конфликтов интересов. Особое значение в этом контексте приобретает разработанное им понятие этической культуры. Этическая культура как раз и проявляется в способности разрешать конфликты интересов не через насилие или право, которое закрепляет доминирующие интересы, а через добровольное самопожертвование. Однако, в условиях, когда доминирующий интерес технологических корпораций и финансового капитала направлен на максимизацию прибыли, а не на воспроизводство человека, этическая культура оказывается маргинализированной. «Пороки являются гипертрофированным или извращённым продолжением свойственной данному обществу системы добродетелей» (Шетулова, 2021, с. 205). Современное общество, где главной добродетелью становится эффективность, гипертрофирует эгоизм и конкуренцию, превращая их в норму, а способность к состраданию и самопожертвованию объявляет архаизмом или слабостью.

Понятие человечности никогда не было универсальным в практическом социальном измерении. Различные культуры выработали свои системы стратификации, в которых образ «полноценного человека» жёстко

привязан к социальному статусу, происхождению или групповой принадлежности. Кастовое общество Индии издавна делило людей на варны, где принадлежность к высшей касте означала не только социальные привилегии, но и онтологическое превосходство, т. е. более высокий уровень «человечности» по сравнению с «неприкасаемыми», которые в глазах брахманов стояли на грани между человеком и животным. Как отмечается, «главными внешними чертами кастового строя, составляющего фундамент всей жизни индуса, являются: заключение браков только между членами той же касты и правила о вкушении пищи. Ни один индус не может вкушать пищи, приготовленной членом низшей касты или оскверненной его прикосновением; он скорее предпочтет умереть от голода, чем навлечь на себя таким нарушением закона тягчайшее наказание: изгнание из касты, ставящее его вне всякой касты, что считается еще более позорным, чем принадлежность к самой презренной касте» (Грушевицкая, 2022, с. 35).

Классовый подход, наиболее ярко выраженный в марксистской традиции, также предполагал иерархизацию человеческого. Эксплуататорские классы, будучи объективно носителями отчуждённой человеческой сущности, в определённом смысле «расчеловечивались» самим фактом своего паразитического существования. Как отмечает Н. Н. Зарубина, «с точки зрения К. Маркса, который в полной мере унаследовал гуманистические традиции западной культуры и видел в человеке как “родовой” сущности носителя творческого, познавательного и преобразующего потенциала, одним из основных факторов дегуманизации в капиталистическом обществе является отчуждение труда и его результатов» (2021, с. 62). Только пролетариат, осознавший свою классовую природу, рассматривался как подлинный носитель универсальной человечности, способный преодолеть отчуждение и создать общество, где человеческое начало будет раскрыто в полной мере. Классовый подход, однако, породил собственную иерархию человечности, где «свои» (пролетариат) противопоставлялись «чужим» (буржуазии), а внутри самого рабочего класса существовали градации по степени революционности и классовому сознанию.

Политика мадьяризации, проводимая в XIX веке, была направлена не только на языковую ассимиляцию, но и на утверждение венгерской культурной модели как эталонной, что неизбежно подразумевало принижение «человечности» сербского крестьянства. Л. В. Филиндаш (2023) отмечает, что «культурные ограничения» для антропологических преобразований включают такие факторы, как семейственность, женственность и национальные традиции, которые формируют устойчивые образы человечности.

Исторически кризис человечности особенно ярко проявляется в столкновении различных культурных архетипов. Один из самых показательных примеров – конфликт между «саксонской» моделью, основанной на индивидуализме, прагматизме и инструментальном отношении к миру, и «христианской» (в её восточной или традиционной западной версии), ставящей во главу угла духовное спасение, соборность и ценность страдания.

Саксонская модель, связанная с протестантской этикой и англо-саксонским либерализмом, формирует образ человека как успешного предпринимателя, рационального актора, максимизирующего свою выгоду. Как отмечается в исследовании Н. Н. Зарубиной экономической этики, «эгоизмом, декларированным Смитом в “Богатстве...”, должны были руководствоваться члены его общины во взаимоотношениях с членами других конфессий», в то время как «иное дело – взаимоотношения внутри общины индпендентов», где требовалась «теория нравственных чувств» (2021, с. 63). Это двойственное регулирование – эгоизм вовне и солидарность внутри – порождает противоречивый образ человечности, где полноценным человеком признаётся успешный конкурент, но только в рамках своей группы. В этой парадигме человечность измеряется полезностью, эффективностью, способностью к конкуренции. Те, кто выпадает из этой системы – бедные, неудачники, безработные – рискуют быть исключёнными из категории «полноценных» людей, превращаясь в «бремя» или «социальный мусор». Этот подход органично вписывается в логику технологического общества, где, как пишет Зарубина, «беспрецедентно расширяя способности и возможности человека, машины стали постепенно вытеснять его из многих традиционных сфер деятельности, включая не только тяжёлый и монотонный физический и сервисный труд, но и интеллектуальную работу с данными» (2021, с. 61). Человек, который уступает машине в эффективности, оказывается под вопросом как таковой.

Христианская модель, напротив, утверждает безусловную ценность каждой человеческой души, вне зависимости от её социальной полезности. Слабые, убогие, больные становятся носителями особой сакральной ценности, так как через них осуществляется акт милосердия. Однако эта модель вступает в жёсткий конфликт с современным секулярным миром. В. И. Кудашов (2021) рассматривает постсекулярность как проявление кризиса гуманизма, когда традиционные религиозные основания человечности утрачивают свою убедительность, а новые, секулярные, не предлагают устойчивой альтернативы. В результате человек оказывается зажат между требованиями эффективности и смутными воспоминаниями о сакральном, что порождает глубокую экзистенциальную тревогу. Кудашов (2021) также рассматривает феномен «неочеловека» как попытку преодоления культурных ограничений через прорыв в трансцендентное, однако этот прорыв может обернуться новой формой расчеловечивания, если он не учитывает культурные традиции, которые формируют человеческую идентичность.

Выход за пределы духовности в анализе кризиса человечности требует обращения к понятию интереса. Именно интерес групповой, классовый, этнический, корпоративный определяет, какой образ человечности будет доминировать в данном обществе, и кто будет объявлен «расчеловеченным». Трансгуманистические проекты, обещающие бессмертие и сверхспособности с помощью технологий, являются интересами технологических корпораций и финансового капитала, стремящихся подчинить себе будущее.

Интерес также проявляется в борьбе за символическую власть – кто имеет право определять, что такое «человечность». Воеводин подчёркивает, что «борьба с навязываемыми ложными ценностями нуждается

в теоретическом осмыслении способов бытия ценностных смыслов в сознании человека» (2024, с. 9). Это означает, что борьба за человечность происходит не на уровне абстрактных доктрин, а на уровне конкретных интересов – образовательных практик, медиа-дискурсов, культурных политик. Интерес, таким образом, выступает не только как экономический или политический феномен, но как глубинная антропологическая категория, определяющая, какие формы человеческого существования признаются легитимными.

Различные аспекты кризиса человечности позволяют выявить несколько направлений его философского осмысления. Н. Н. Зарубина (2021, с. 68) связывает преодоление кризиса с гуманистическим поворотом в социальных науках и возвращением культурного и духовного измерений в понимание человека. В. А. Кутырев (2017, с. 104), анализируя становление постчеловеческого мира, обращает внимание на угрозу редукции человеческого бытия к технологически конструируемым и информационным формам. А. П. Воеводин в работе «Кризис человечности и тупики антропоцентризма» подвергает критике антропоцентризм как мировоззренческий принцип, «ограничивающий горизонт морали сознанием субъекта» (2017). Такое ограничение морального горизонта особенно существенно для проблемы отношения к «другому», поскольку превращение собственного способа существования в универсальный критерий человеческого создаёт предпосылки для его инструментализации и дегуманизации.

Таким образом, кризис человечности в условиях многообразия культурных интерпретаций есть кризис универсального критерия. Когда каждая культура, каждая социальная группа, каждый класс предлагает свой образ «настоящего человека», а технический прогресс размывает саму антропологическую границу, возникает экзистенциальная пустота, которую заполняют сиюминутные интересы, а не устойчивые ценности. Критическим фактором различия культурных интерпретаций становится превращение определенной культурной, социальной или экономической модели в исключительный критерий человеческой полноценности. В этом случае культурная идентичность перестает выполнять функцию самоопределения и становится инструментом разграничения, посредством которого устанавливается граница между «своими» и «чужими». В связи с этим категория интереса приобретает принципиальное значение для философско-антропологического анализа кризиса человечности. Именно конфликт интересов позволяет выявить практический механизм перехода от различия к дегуманизации. Пока различие культурных и социальных позиций допускает признание «другого» как равного субъекта интереса, оно сохраняет характер культурного многообразия. Когда же собственный интерес объявляется универсальным и получает право определять ценность «другого», возникает иерархизация человеческого. Следовательно, кризис человечности представляет собой не столько отсутствие единого культурного образа человека, сколько неспособность различных субъектов ограничивать собственный интерес там, где его реализация непосредственно затрагивает достоинство и возможность существования «другого».

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что кризис человечности в условиях многообразия культурных интерпретаций связан не с самим фактом культурного различия, а с формированием иерархий человеческого, в рамках которых определённые культурные, социальные или ценностные характеристики становятся основанием для признания или отрицания человеческого достоинства. Культурное многообразие сохраняет конструктивный потенциал до тех пор, пока различие не превращается в критерий определения человеческой ценности и не становится основанием исключения «другого». Ключевым механизмом такого перехода выступает универсализация частного или группового интереса. Возведение собственной культурной, социальной или ценностной позиции в универсальный критерий человеческой ценности позволяет устанавливать границы признания «другого» и тем самым способствует иерархизации человеческого и дегуманизации. В связи с этим анализ кризиса человечности требует не только критики конкретных проявлений расчеловечивания, но и выявления интересов, лежащих в основе соответствующих представлений о человеке, включая интересы, скрывающиеся за универалистской риторикой.

Вышесказанное позволяет говорить о том, что преодоление кризиса человечности не может основываться на возвращении к единой нормативной модели человека. Универсальная норма, сформированная в рамках конкретной культурной традиции, сама может стать инструментом исключения при её утверждении в качестве единственного допустимого образа человека. Более продуктивным основанием выступает признание человеческого достоинства как универсального этического принципа при сохранении многообразия культурных форм и интерпретаций человека. Важным условием сохранения человеческого достоинства в данном контексте является этическое ограничение собственного интереса. Этическая культура понимается как способность субъекта добровольно ограничивать собственный интерес в ситуации, когда его реализация затрагивает достоинство другого человека. Образование, воспитание и культурная коммуникация могут способствовать формированию такой способности через развитие этической рефлексии, выявление конфликтов интересов и осмысление их последствий для «другого».

Перспективным направлением дальнейшего исследования является разработка философско-антропологической модели «универсализма без унификации», в которой универсальность человечности определяется не единообразием культурных форм, а признанием человеческого достоинства в качестве предельного этического требования. В таком понимании ни один частный или групповой интерес не может получать безусловного права на отрицание человеческого достоинства «другого».

Таким образом, человечность проявляется не в принадлежности к определённой культуре, классу, этносу, конфессии или системе ценностей и не в соответствии человека критериям социальной полезности, а в способности признавать предел собственного интереса и сохранять за «другим» статус самостоятельной ценности. Именно эта способность может рассматриваться как минимальное универализируемое основание человечности в ситуации культурного многообразия.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
2. Воеводин А. П. К онтологии свободы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. № 1. Т. 7 (73).
3. Воеводин А. П. Кризис человечности и тупики антропоцентризма // Terra культура. 2017. № 5.
4. Воеводин А. П. Смыслы и ценности культуры (образование versus воспитание) // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 3 (94).
5. Воеводин А. П. Социальная регуляция // Terra культура. 2023. № 17.
6. Грушевицкая Т. Г. Трансформации современной культуры и теория культурных суперсистем П. Сорокина // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского: материалы докладов, Калуга, 13-14 апреля 2022 г. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2022.
7. Зарубина Н. Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. 2021. № 4. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-4-60-70>
8. Кутырев В. А. Бытие человека в постчеловеческом мире (пролегомены к философии феноменологического субстанциализма) // Философия и культура. 2017. № 4.
9. Кудашов В. И. Постсекулярность как проявление современного кризиса гуманизма // Секулярный век: вызовы цивилизации: материалы национальной научной конференции, посвященной Всемирному дню философии, Красноярск, 18 ноября 2021 г. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021.
10. Магдеев С. И. Кризис цивилизации и перспективы человека (Ортега-и-Гассет об антропологических основаниях кризиса цивилизации) // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18-20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017.
11. Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс / пер. с испанского А. Гелескула. М.: АСТ, 2016.
12. Семина Т. В., Шишкова С. М. Культурно-правовой кризис: трансформация личности в современном социуме // Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационные задачи современного правоведения: наука, образование, практика (стратегическая панель): сборник трудов XXIII Международной научной конференции, Москва, 08-28 апреля 2022 г. М.: Российский новый университет, 2022. Т. 1. <https://doi.org/10.18137/CZ22.2022.32.53.001>
13. Сербул А. А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе // Вестник Полесского государственного университета. 2011. № 2.
14. Филиндаш Л. В. Специфика массовой культуры в эпоху цифровизации // Вестник университета. 2023. № 4. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-199-206>
15. Цветкова И. В., Евченко О. С. Кризис культуры в контексте развития техники // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (37).
16. Шетулова, Е. Д. Философия культуры в работах мыслителей Серебряного века: потенциал и границы // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов XII Международной научной конференции, Магнитогорск, 14-16 мая 2021 г. / под общей ред. В. А. Жилиной. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021.

Информация об авторах | Author information

Ровнов Никита Сергеевич¹

¹ Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

Nikita Sergeevich Rovnov¹

¹ Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk

¹ rovnov_n@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.09.2026; опубликовано online (published online): 12.10.2026.

Ключевые слова (keywords): кризис человечности; расчеловечивание; человеческое достоинство; культурные интерпретации; crisis of humanity; dehumanization; human dignity; cultural interpretations.